

«ПАМЯТЬ МЕТРА» (К ВОЗМОЖНЫМ ПРЕТЕКСТАМ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ А. БЛОКА)¹

MÁRIA GYÖNGYÖSI (BUDAPEST)

Памяти М. Гаспарова

Почему поэт выбирает ту или иную стиховую форму (размер, строфику, рифму)? Обусловлена ли форма лирической темой? Исходя из концепции К. Тарановского² и М. Гаспарова³, мы вправе включить стиховедческие аспекты в исследование интертекстуальных связей: если стихотворный размер, рифмы (схема рифм, выполнение рифменной позиции) или строфическая структура в двух стихотворениях оказываются тождественными, то это может дополнительно подтвердить мотивические, тематические или другие параллели между ними⁴.

¹ «Метафорическое выражение» «память метра» М. Гаспаров употребляет в своей книге «Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти». Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000, с. 16.

² Тарановский, К.: О взаимодействии стихотворного ритма и тематики. In: American Contributions to the 5th International Congress of Slavists. Vol. I. The Hague, 1963, 287–322.

³ Гаспаров, М. Л.: Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000.

⁴ Такой подход к проблемам интертекстуальности наблюдается (и в большинстве примеров также эксплицитно декларируется), в частности, в книге И. П. Смирнова: Смирнов, И. П.: Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 17, Wien, 1985, с. 26, 33, 34, 80–81, 83, 88–93, 111–113, 116–117, 120, 122, 126 и др.

Гипотеза Тарановского о «лермонтовском цикле русской поэзии», объединяющем стихотворения на «динамическую тему пути», написанные пятистопным хореем и возникшие вслед за лермонтовской элегией *Выхожу один я на дорогу...*⁵, – подвергалась критике, в частности, К. Д. Вишневским. В своей статье 1985 г. Вишневский опровергал гипотезу Тарановского на основе статистических подсчетов, не подтверждающих, на его взгляд, ни «априорной связи 5-ст. хорea с узкими, но не очень определенными „мотивами“» (с «динамическим мотивом пути» и «статическим мотивом жизни»), ни связи этого размера, темы пути и жизни с глаголом движения в начальной строке⁶. Однако, вслед за Тарановским, М. Гаспаров продолжил разработку теории исторической (а не органической) взаимосвязи метра и семантики, распространяя ее с пятистопного хорea и на другие размеры и собрал свои работы в 2000 г. в книге *Метр и смысл*⁷. Такой же фундамент сопоставления наблюдается, хотя не всегда эксплицитно декларированно, уже в статье Топорова о реминисценциях из Жуковского у Блока: в ряде примеров общая образность антецедента и консеквента подкрепляется тождественной метрической структурой⁸.

В данной статье исходным пунктом для меня служит одно из стихотворений Блока 1908 г.⁹ – *Усните блаженно, заморские гости, усните...*:

⁵ Тарановский, К.: О взаимодействии стихотворного ритма и тематики. In: *American Contributions to the 5th International Congress of Slavists. Vol. I. The Hague, 1963*, с. 297.

⁶ Вишневский, К. Д.: Экспрессивный ореол пятистопного хорea. In: *Русское стихосложение: традиции и проблемы развития*. Москва: Наука, 94-113, с. 110.

⁷ Гаспаров, М. Л.: *Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти*. Москва: РГГУ, 2000. В одном из некрологов эта книга получила следующую оценку „ein Meisterwerk, dem im Deutschen nichts Vergleichbares zur Seite steht“ (Bott, M. L.: *Europäische Rationalisten: Ein Porträt der russischen Aufklärer Gasparov, Averincev und Meletinskij. Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, Bd. 51 (2006), Heft 3, 338-346, S. 339.).

⁸ Топоров говорит о «близости ритмической структуры» (Топоров, В. Н.: К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок – Жуковский: проблема реминисценций. *Russian Literature* 5 (1977), 339-372, с. 346).

⁹ Дата на беловом автографе – «30. VII. 08 СПб». Эта дата для нас будет интересна при сопоставлении этого стихотворения с другим стихотворением Блока.

Усните блаженно, заморские гости, усните,
 Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
 Что падают звезды, чертя серебристые нити,
 Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку
 И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,
 Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
 В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.¹⁰

К этому стихотворению в комментариях новейшего издания сочинений Блока указан лишь один возможный подтекст – Брюсовский (*Тишина*, 1905)¹¹. Однако, стихотворение Брюсова написано четырехстопным хореем. Возникает вопрос: можно ли найти в русской лирической традиции семантическую окраску¹² размера блоковского стихотворения – пятистопного амфибрахия в 4-стишии с рифмовкой АБАБ. Корпус текстов в данной статье будет ограничен теми авторами, которых Блок особенно любил¹³, хотя в принципе вполне оправданным кажется включение в круг исследования и таких поэтов, которые не играли особой роли в интересах и поэтическом становлении Блока, но могли повлиять на складывавшуюся традицию семантической окраски данного размера.

Усните блаженно... – стихотворение, включенное Блоком в цикл *Арфы и скрипки*, в котором преобладает медитативная, порою трагическая тональность, и в котором встречаются и такие философские

¹⁰ Блок, А. А.: Полное собрание сочинений и писем, т. 3. Москва: Наука, 1997, с. 116.

¹¹ Блок, А. А.: Полное собрание сочинений и писем, т. 3. Москва: Наука, 1997, с. 836.

¹² Шапир использует это выражение применительно к русской октаве (Шапир, М. И.: Первые опыты русской комической октавы: Пушкин и М. П. Загорский. Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006, том 65, № 3, 47-53, с. 47).

¹³ См. общеизвестные высказывания Блока: «Первым вдохновителем моим был Жуковский»; «Великие учителя – Тютчев, Фет, Полонский, Соловьев пролили свет на „бездну века“...» (Блок, А. А.: Собрание сочинений, т. 7. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1963, с. 12, 29). Об увлечении Блока поэзией Ап. Григорьева речь пойдет ниже; живого интереса его к творчеству Пушкина и Лермонтова доказывать не приходится.

стихи, как *Голоса скрипок*. Стихотворение начинается с обращения к неким «заморским гостям», которые в ходе лирического сюжета становятся частью того «мь», о котором сказано: «в клетке, где бьемся, темней и темнее». Участь всех заключенных в виртуальную темницу (лирического героя, заморских гостей и также, вероятно, других лиц, не эксплицированных поэтом) в финале стихотворения описана так: «Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку / В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность». Противоядием этой судьбы является сон и забвение («усните», «забудьте»), что переключается с «песней воды» во вступительном стихотворении цикла *Свирель запела на мосту...*:

И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...¹⁴

Вернемся к стихотворению Брюсова *Тишина*, предположительно послужившему претекстом стихотворения Блока *Усните блаженно...*

Тишина

Вечер мирный, безмятежный
Кротко нам взглянул в глаза,
С грустью тайной, с грустью нежной...
И в душе под тихим ветром
Накренились паруса.

Дар случайный, дар мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Над равниной вечно пенной,
Над прибоем, над буруном,
Звезды первые зажглись.

О, плывите! о, плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змеи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.

¹⁴ Блок, А. А.: Полное собрание сочинений и писем, т. 3. Москва: Наука, 1997, с. 111.

Не уйти нам, не уйти нам
 Из серебряной черты!
 Мы – горим в кольце змеином,
 Мы – два призрака в сияньи,
 Мы – две тени, две мечты!¹⁵

Мотивная структура брюсовского стихотворения, несомненно, тесно связана с блоковской: в обоих встречаются такие общие мотивы, как «змеи», «нити», «звезды», «сны», и такие сходные, как «луна» – «звезды», «серебряная черта» – «серебристые нити». Помимо этого, оба поэта используют параллель «змеи» – «нити» в сравнении отражения (лунного) света на волнах / в стакане вина, и у обоих фигурируют мотивы некоего рабства: «не уйти нам»; «Мы – горим в кольце змеином» – «в клетке, где бьемся...». В то же время тема брюсовского стихотворения – вечерние видения, сны, мечты души, пейзаж которой просторен, как море или равнина, а последний стих («Мы – две тени, две мечты!») как бы снимает грусть, характеризовавшую лирическую ситуацию в начале стихотворения («С грустью тайной, с грустью нежной...»). Здесь же, в конечных стихах выясняется, что первое лицо множественного числа, проходящее через все стихотворение Брюсова – это «я» и некое «она», что, помимо перечисленного, противопоставляет стихотворение блоковскому, в котором лирический герой остается одиноким среди всех трагически погибающих.

Среди различий обоих стихотворений с точки зрения нашей темы самым интересным является метрическое. «Песня» Брюсова написана четырехстопным хореем с рифмовкой АБАХБ, между тем как блоковское стихотворение – пятистопным амфибрахием с перекрестными женскими рифмами. (Интересно отметить, что у Брюсова есть и амфибрахическое «ночное» стихотворение с некоторыми тождественными мотивами, но с концовкой совсем другой тональности – вступительное стихотворение данного цикла *Приветствие*¹⁶.)

¹⁵ Брюсов, В.: Собрание сочинений, т. 1. Москва: Художественная литература, 1973, с. 375. Это стихотворение входит в книгу *Stephanos*, в первый ее цикл *Вечерные песни*, эпиграф которого взят из Верлена: „De la musique avant toute chose“ (с. 371). Авторскому определению («песня») соответствует и размер стихотворения, традиционный для песенного жанра – четырехстопный хорей.

¹⁶ Стихотворение написано трехстопным амфибрахием (Брюсов, В.: Собрание сочинений, т. 1. Москва: Художественная литература, 1973, с. 371).

В виде мотивных переключек блоковского стихотворения с брюсовским, которое написано, однако, в другом метре, можно поставить вопрос о других, тематических и метрических¹⁷ претекстах стихотворения Блока. С этой точки зрения (ограничиваясь критерием, упомянутым выше) мы и будем рассматривать русскую поэзию XIX века.

У Жуковского и Пушкина стихотворения, написанного пятистопным амфибрахийем, нами не было обнаружено; в их поэзии встречаются только другие разновидности этого метра. Помимо баллад, в которых Жуковский впервые применяет амфибрахий, передавая немецкие дольники силлабо-тоническим стихом (*Лесной царь* Гете, 1818, и др.)¹⁸, четырехстопным амфибрахийем написаны его стихи *Горная дорога* (6-стишие, с рифмовкой аБаБВВ) и *Мечта* (4-стишие, аабб)¹⁹. Пушкин же применяет четырехстопный амфибрахий в стихотворениях *Черная шаль* («Гляжу, как безумный, на черную шаль, И хладную душу терзает печаль...» – 2-стишие, мужская парная рифма), *Узник* («Сижу за решеткой в темнице сырой...» – 4-стишие, аабб), *Кавказ* («Кавказ подо мною. Один в вышине...» – 6-стишие, аББаВВ) и *Туча* («Последняя туча рассеянной бури!...» – 4-стишие, ААбб)²⁰.

Поэт, заслуживающий с точки зрения нашей темы особого внимания – Лермонтов, который часто использовал разные типы и комбинации амфибрахия, в частности, – пятистопный. Начнем со знаменитого стихотворения *И скучно и грустно*²¹. Правда, в нем пятистопным амфибрахийем написаны только нечетные строчки (а в каждой строфе вторая строка – 3-стопным, а четвертая – 4-стопным); правда и то,

¹⁷ Помимо размера будут рассматриваться также рифма и строфика.

¹⁸ Освоение амфибрахия Жуковским М. Гаспаров относит к 1814-16 гг. Ведущими размерами становятся, согласно исследованиям Гаспарова, 4- и 4-3-стопник (М. Л. Гаспаров. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984, с. 121).

¹⁹ Жуковский, В. А.: Стихотворения. Москва: Художественная литература, 1980.

²⁰ Пушкин, А. С.: Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, Санкт-Петербург: Библиополис, 1993.

²¹ Урегулированный 5-3-5-4-стопный амфибрахий в этом стихотворении, как и 5-стопный амфибрахий в стихотворении *Листок* (о котором речь пойдет ниже) Гаспаров назвал «экспериментами» «более редкими размерами» (Гаспаров, М. Л.: Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984, с. 122).

что мужская рифма нечетных стихов тоже не совпадает с блоковской клаузулой. Не найти и точных лексических соответствий, но все-таки, лермонтовский мотив жизни как «пустой и глупой шутки» и блоковский мотив «ненужной клетки», которую «бросят» «в бездонную пропасть», читаются как синонимические. Итак, несмотря на названные различия, тема и общая тональность стихотворения – одиночество лирического героя, чувство безысходности и бессмысленности всего – роднят стихотворение Лермонтова с блоковским.

Сходные ноты звучат и в стихотворении Лермонтова *Листок* («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»), трагизм которых усилен мотивами бездомности и непонимания, более того, исторжения лирического «я» окружающим миром. В этой аллегории стиховые признаки – за исключением рифменной схемы – полностью совпадают с блоковскими. Нельзя не упомянуть, однако, о таких различиях, как сюжетность (судьба дубового листка, обозначающая экзистенциальный опыт поэта, рассказана как цепь событий) и образность (точная топография, «дневное освещение» и повышенная роль живой природы, характеризующие стихотворение Лермонтова). И все же, между аллгорией листка, унесенного «жестокою бурей», и хмельным бредом блоковского лирического героя, как и между тональностью обоих стихотворений легко проводится параллель.

Хотя редактирование Блоком стихотворений Ап. Григорьева для нового издания К. Ф. Некрасовым и работа над вступительной статьей к этому сборнику²² относятся к 1914-1915 гг., Блок, как общеизвестно, «с юношеских лет живо интересовался Ап. Григорьевым»²³, поэтому нам стоит присмотреться к стихотворениям этого поэта²⁴.

²² *Судьба Аполлона Григорьева*. I: Блок, А. А.: Собрание сочинений, т. 5. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962, с. 487-519. Сборник стихотворений Ап. Григорьева со статьей Блока вышел в Москве в 1916 г.

²³ Блок, А. А.: Собрание сочинений, т. 5. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962, с. 765.

²⁴ Из стихотворений Аполлона Григорьева амфибрахией написаны, помимо более подробно рассматриваемых, *Обаяние* (3-стопник), *Молитва* («По мере горенья...»), 2-стопник), *Песня духа над хризалидой* (со стопностью 34444224 и неурегулированной анакрузой), из цикла *Старые песни, старые сказки* – 5-стопники *То летняя ночь, июньская ночь то была* (6-стишие) и *Есть старая песня, печальная песня одна...* (2-стишие), повествующие о любви, разлуке и смерти; также астрофические 4-стопники *Опять, как бывало, бессонная ночь!..* и *Мой старый знакомый, мой милый*

Амфибрахии Ап. Григорьева менее регулярны, чем найденные нами стихотворения других поэтов, написанные этим метром. Особенно много отступлений от регулярного пятистопного амфибрахия встречается в 4 и 5 стихотворениях цикла *Старые песни, старые сказки* (неурегулированная анакруста, недостача одного слога или одной стопы или же добавочные слоги, стопы). Нашим критериям, зафиксированным выше, наиболее соответствуют два стихотворения. В *Молитве* («О боже, о боже, хоть луч благодати твоей...») ²⁵, передающей чувства «души больной», терзаемой «остатками мучительных, жадных, палящих страстей», с нашей точки зрения особенно интересны характеризующие жизнь лирического «я» и напоминающие блоковское стихотворение мотивы «тоска» («я смертно тоскую») и аллегорический «мрак тюрьмы» (ср. у Блока образы ночи и клетки), в котором лирический герой жаждет «луча благодати» божьей и из которого он хочет вырваться. Именно этот бунт, помимо обращения к Богу, отсутствующего у Блока, отличают оба стихотворения («Последние силы бунтуют, не зная покою») ²⁶. *Тополь* – стихотворение, тематически и метрически во многом восходящее к лермонтовскому *Листку* ²⁷, но с тем различием, что стихотворение Ап. Григорьева (и особенно его финал) внушает не усталость и безнадежность, а жизнеутверждающую энергию, силу и красоту молодости: «Ровесник мой тополь, мы молоды оба равно И поровну сил нам, быть может, с тобою дано»; «Но свеж и здоров ты, и строен и прям, Молись же, товарищ, ночным небесам!..» ²⁸

Больше всего стихотворений, написанных амфибрахией, мы находим у Я. П. Полонского, поэзию которого Блок довольно часто упоминал в своих произведениях и записях. Помимо стихов Полонского, написанных разными стопностями и астрофическими вариантами ам-

альбом!.. (Григорьев, А.: Стихотворения и поэмы. Москва-Ленинград: Советский писатель, 1966).

²⁵ Это 5-стопник, с рифмовкой аБааБ, состоит из двух 5-стиший и одного 4-стишия, в двух стихах с 2-сложной анакрустой.

²⁶ Григорьев, А.: Стихотворения и поэмы. Москва-Ленинград: Советский писатель, 1966, с. 119.

²⁷ Стихотворение написано 5-стопным амфибрахией, но оно содержит по два 4-стопника, которые, находясь в его начале и конце, метрически обрамляют его. Рифмовка стихотворения – аабб, а строфы – 4-стишия.

²⁸ Григорьев, А.: Стихотворения и поэмы. Москва-Ленинград: Советский писатель, 1966, с. 173.

фибрахия, для нашей темы особенно интересны два стихотворения. *Грузинская ночь* – это тот размер, которого мы искали, с женскими окончаниями, но без рифм и в астрофическом варианте. Другое стихотворение по форме точь-в-точь превосхищает блоковское. Это – *Любви не боялась ты, сердцем созревшая рано...* Стихотворение повествует о любовной трагедии женщины – «жертвы неволи, страстей и обмана». Из ситуации унижения, однако, как утверждает поэт, есть выход, и ее ждет новое счастье: «И все, что в тебе было дорого, чисто и свято, Для любящих будет таким же священным казаться; И щедрое сердце твое будет так же богато – И так же ты будешь любить и, любя, улыбаться»²⁹. Этим Полонский придает теме любви, воплощенной в изометрическом лермонтовском стихотворении *И скучно и грустно* в трагической тональности, новое разрешение, заключенное в мотивах надежды и уверенности в счастье в будущем.

Рассматривая стихотворения Тютчева и Фета, 5-стопного амфибрахия мы не обнаружили. Амфибрахией написаны *Листья* («Пусть сосны и ели...» – 2-стопник) и *Два голоса* («Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...» – 4-стопник, ААБб и АБАБ) Тютчева³⁰, этот же размер и 3-стопник фигурирует в ряде стихотворений Фета (*Я болен, Офелия, милый мой друг!*.. – 4-3-стопник, аБАБ; *Я жду...* *Соловьиное эхо...* и др.)³¹.

В поэзии Вл. Соловьева опять нет 5-стопного амфибрахия. В стихотворении *Умные звезды* (*Из Гейне*) чередуются 2- и 3-стопники, а стихотворение *На звезды глядишь ты, звезда моя светлая...* (4-стопник) интересно тем, что оно содержит сплошные дактилические окончания. Балладные истоки метра оживают в переложении стихотворения *Ночное плавание* (*Из романсеро Гейне*) (чередование 4-стопного и 3-стопного амфибрахия с рифмовкой хаха)³².

Возникает вопрос о семантической окраске 5-стопного амфибрахия в поэзии самого Блока. Среди стихов, входящих в канонический трехтомник Блока, есть, кроме рассматриваемого, только одно стихотворение, построенное точно по той же стиховой модели – *Ну, что*

²⁹ Полонский, Я. П.: Сочинения, т. 1. Москва: Художественная литература, 1986, с. 162.

³⁰ Тютчев, Ф. И.: Полное собрание стихотворений (редакция и комментарии Г. Чулкова), тт. 1-2. Москва: Терра, 1994.

³¹ Фет, А. А.: Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1986.

³² Соловьев, В.: «Неподвижно лишь солнце любви...»: стихотворения, проза, письма, воспоминания современников. Московский рабочий, 1990.

же? Устало заломлены слабые руки... (цикл *Страшный мир*, 5 февраля 1908 г.). В отличие от стихотворения *Усните, блаженно...* его адресатом является возлюбленная лирического «я». Стихотворение подводит итоги жизни, творчества и любви; в нем можно выделить ключевые мотивы усталости и смерти, обожествления и развенчания любимой («но ведь ты – не царица») и, в концовке стихотворения, мотив тревоги – последнего достоинства лирического героя, тревоги, которая не смирится:

Но я – человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То ревность по дому, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее*³³.

Если сравнить два стихотворения Блока, написанные 5-стопным амфибрахием, мы можем сказать, что, несмотря на такие важные темы, как любовь и творчество, фигурирующие здесь, но отсутствующие там, стихотворения перекликаются в таких основных мотивах, как усталость от жизни, смерть, ночь, мрак и вечность.

Подведем итоги. Наш эксперимент был направлен на выявление возможных претекстов одного стихотворения Блока. Основой сопоставления служили тематические и стиховые (метрические, строфические и рифмовые) соответствия. В кругу стихотворений выбранных нами авторов (Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Ап. Григорьева, Полонского, Тютчева, Фета и Вл. Соловьева) нашему критерию соответствовало пять стихотворений: по два – Лермонтова (с переключками темы, настроения и некоторых мотивов) и Ап. Григорьева и одно – Полонского. Из творчества самого Блока (из его канонического «романа в стихах») нами было обнаружено еще одно стихотворение (*Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...*, написанное в том же году), в котором как бы комбинируются две семантические окраски 5-стопного амфибрахия в четверостишии – тема смерти, выделенная нами у Лермонтова (*И скучно и грустно*), и тема несчастной любви, встречающаяся и у Лермонтова, и – в развиваемом в другом направлении виде – у Полонского (*Любви не боялась ты, сердцем созревшая рано...*). Решительный же императив концовки этого блоковского стихотворения напоминает финал стихотворения Ап. Григорьева *Тополю* (аллегория которого восходит к лермонтовскому стихотворе-

³³ Блок, А. А.: Полное собрание сочинений и писем, т. 3. Москва: Наука, 1997, с. 28.

нию *Листок*, но лирический сюжет оборачивается по-другому), а молитвенный характер, на котором построено другое стихотворение Ал. Григорьева (*О боже, о боже, хоть луч благодати твоей...*), правда, у Блока отсутствует, зато блоковское стихотворение завершается библейскими реминисценциями³⁴.

Zusammenfassung

Den Ausgangspunkt dieses Aufsatzes bilden die Ergebnisse der Arbeiten K. Taranovskijs, M. Gasparovs, I. Smirnovs und V. Toporovs, die zum ersten mal die Frage nach der intertextuellen Rolle und nach der Semantik der Versmaße gestellt haben. Auf dieser Grundlage wird versucht zu klären, inwieweit das Versmaß in Bloks Dichtung intertextuelle Beziehungen bestimmen oder unterstützen kann oder, anders formuliert, inwieweit der Dichter im Laufe des Schaffensprozesses durch „das Gedächtnis des Versmaßes“ beeinflusst wird. Im Mittelpunkt der Analyse steht Bloks Gedicht *Schlaft fröhlich ein, ihr Gäste aus Übersee, schlaft ein...* (1908, Übersetzung des Titels – M. Gy.), zu dem im Kommentar der neuesten Ausgabe der Werke Bloks nur ein einziger Prätext aufgeführt wird: ein trochäisches Gedicht Brjusovs. Im Aufsatz werden zu diesem Gedicht isometrische Textparallelen aus der Lyrik von Žukovskij, Puškin, Lermontov, A. Grigor'ev, Polonskij, Tjutčev, Fet, V. Solov'ev und aus der eigenen Lyrik Bloks gesucht. Als Kriterium des Vergleiches wurde das gemeinsame Versmaß (der fünffüßige Amphibrachys im Vierzeiler mit dem Reimschema ABAB) gewählt, und die Gedichte, die ihm entsprechen, werden nach Gesichtspunkten wie Thema, Grundstimmung und Motive untersucht.

³⁴ О них подробнее см.: Блок, А. А.: Полное собрание сочинений и писем, т. 3. Москва: Наука, 1997, с. 614.

